

Супруги немного подождали у входа в аптеку. Когда работник закончил перетаскивать мешки с известковым порошком, аптекарь отсчитал и передал возчику двести монет — плату за пятьдесят цзиней товара.

Дождавшись, пока тот освободится, Гу Чжао и Ли Чжоучжоу окликнули его и, обменявшись парой вежливых фраз, прямым спросили о цене на известь.

— А вам-то она зачем сдалась? — любопытствовал возчик.

— Разве простому человеку её покупать не дозволено? — вопросом на вопрос ответил Гу Чжао.

— Отчего же, купить-то можно, — пожал плечами мужик. — Только ведь её ни съесть, ни выпить. Чуть в глаза попадёт — пиши пропало, ослепнуть можно враз. Она только лекарям да в аптеках и надобна. Если надумаете брать, мешок обойдётся в двести тридцать монет.

Чжоучжоу тут же заметил, что аптекарь только что отдал всего двести.

— Так то аптека, — усмехнулся возчик. — У них заказ постоянный, долгосрочный, оттого и цена иная.

— И часто они заказывают? — поинтересовался Гу Чжао.

— В год мешка три, пожалуй, набегает.

Нынче в городке и окрестных деревнях всё было спокойно, никаких поветрий не случилось, так что аптека использовала известь понемногу, разве что для повседневной очистки. Гу Чжао прикинул: если использовать порошок как основу для удобрений на десяти му заливных полей, им потребуется куда больше, чем заштатной аптеке. А значит, и цену можно будет сбить.

Впрочем, сейчас торопиться было не к чему.

Гу Чжао выведал, где живёт поставщик извести, и пообещал, что они обсудят всё дома и вернуться с ответом. Мужик этот жил в деревне сразу за городскими воротами — ходу оттуда было от силы минут двадцать.

— Как в деревню войдёте, спросите, где дом «известковых» — каждый укажет.

— Благодарим за помощь.

Возчик, решив про себя, что эти двое вряд ли что-то купят, покивал и покатил свою тачку прочь.

— Муж мой, так этот порошок и есть тот самый гипс? — спросил Ли Чжоучжоу, когда они остались одни.

— Ещё нет, но если добавить воды — станет им, — Гу Чжао, зная, о чём хочет спросить супруг, опередил его: — Не спеши. Сначала вернёмся и посоветуемся с отцом. Поля — дело серьёзное, не след нам самим такие решения принимать.

— Твоя правда.

Рисовые чеки и пшеничные поля — это их хлеб, их жизнь, тут ценой ошибки может стать голод. К тому же до посадки риса оставалось ещё больше месяца, так что сейчас важнее было заняться удобрениями для засушливых угодий.

Закупив соевую пасту, уксус, соль и вино, супруги взвалили корзины на плечи и пустились в обратный путь.

У самой околицы они увидели Ван Эргоу. Тот, пошатываясь и прижимая к груди кувшин с вином, вдрызг пьяный, ломился в собственные ворота. Лицо его сияло пьяной радостью, он орал на всю улицу:

— Слышь, кобыла дохлая! Уши заложило? Отпирай! Хозяин пришёл! Барыш в кармане, а ты всё зудишь под ухом, как муха навозная...

— Два ляна серебра выиграл! Отворяй, говорят!

Он яростно колотил кулаками в дерево.

Дядя Ван вышел открыть, но Эргоу тут же грубо оттолкнул его, сопровождая это отборной бранью:

— Что ты там копался внутри? Опять с полюбовником миловался, оттого и не слышал?

Заметив на дороге Гу Чжао и Ли Чжоучжоу, Ван Эргоу мигом юркнул во двор, велел Ван Сюэ немедля запирать ворота. Даже за забором его крики не стихали: он то бахвалился выигрышем, то требовал зарезать курицу и подать мясо, величая себя великим господином, которого надобно ублажать.

Во дворе семьи Ван не прекращался шум и гам.

Ли Чжоучжоу, возвращавшийся из города в добром расположении духа, помрачнел. Обида за дядю Вана жгла сердце, но тут его руку сжала ладонь мужа.

— Дома попробуем мясо замариновать в новых специях. Ты ведь поможешь мне? Я в стряпне не силен, — Гу Чжао мягко переключил внимание супруга.

Помочь соседям они могли лишь малостью — купить мазь, поддержать добрым словом. Но вырвать дядю Вана из пут этой семьи было задачей почти невыполнимой.

В это время долг признательности и нормы приличия стояли превыше всего. Ван Сюэ был сиротой-гэ'эром, за его спиной не было родни, способной вступиться. Семья Ван дала ему кров и вырастила — в глазах общества это было благодеяние, которое не окупить и вековой службой. Выйти замуж, войти в семью, почитать свекров и терпеть мужа — таков был единственный «праведный путь». Семейные дрязги считались делом частным, и выносить их на суд людской было позорно.

И неважно, что сейчас вся деревня сочувствовала несчастному гэ'эру. Стоило бы Ван Сюэ заговорить о разводе, те же самые люди первыми бы обвинили его в неблагодарности и чёрствости. Мол, семья Ван его приютила, ремеслу обучила, а он, ирод, на старости лет их бросить вздумал.

К тому же маленького Сяо Тяня ему бы никто не отдал.

«Разве что Эргоу приберёт нелёгкая, — мелькнула в голове Гу Чжао невольная мысль, — и тогда дядя Ван сможет зажить своим умом»

Вернувшись домой, они принялись за дела. Ли Чжоучжоу разложил покупки и принялся за ужин. Праздники кончились, и каждый день есть мясо было непозволительной роскошью. Он сварил кашу из разных злаков, нарезал соломкой кислую редьку, сбрызнул её уксусом, а в самом конце всё же не удержался — добавил ложку свиного жира. Пускай хоть дух мясной будет.

Семья закончила ужинать в сумерках. Дни стали заметно длиннее, и теперь можно было сэкономить на масле для ламп.

— Земля отошла, — заметил Ли Да. — Завтра начнём яму копать.

— Хорошо, отец, — отозвался Гу Чжао.

В этом доме никто не любил тянуть время. Сказано — сделано.

После вечерних омовений они разошлись по комнатам. Холода отступили, кан больше не топили, экономя дрова.

Помня о долгой прогулке, Ли Чжоучжоу за вечерним омовением ног внимательно осмотрел ступни мужа, опасаясь, не натёр ли тот мозоли, как в прошлый раз. Гу Чжао, сияя от гордости, заверил, что всё в порядке, и замер в ожидании похвалы. Чжоучжоу невольно улыбнулся — до чего же милым бывал порой его супруг.

— Муж мой сегодня просто молодец.

— Даже ни одной мозоли не натёр.

Когда они забрались под одеяло, Гу Чжао, хоть и чувствовал приятную усталость, не спешил засыпать. Он всё ещё привыкал к своему молодому телу, понимая, что в таком возрасте стоит быть сдержаннее, дабы сохранить здоровье на долгие годы совместной жизни. Но Ли Чжоучжоу был ему так дорог, а его ласка — так сладостна, что он просто не мог удержаться. Юноша прильнул к супругу, словно маленький осьминог, уткнувшись лицом в его грудь.

— Как же холодно, жена моя...

Чжоучжоу заботливо подоткнул одеяло.

— Муж мой, пригрей руки у меня на животе, станет теплее.

Гу Чжао поднял голову, глядя на него невинными, чистыми глазами.

— А можно... на груди?

Ли Чжоучжоу вспыхнул до корней волос, но в душе его разлилось ликование. Он едва заметно кивнул. Довольный Гу Чжао устроил голову на плече супруга, прижав ладонь к его сердцу. Он на собственном опыте убедился: ласковому мужчине в жизни везёт куда больше.

Они долго перешёптывались в темноте, пока сон не сморил их обоих. На рассвете, едва пропели первые петухи, Ли Чжоучжоу собрался было встать, но Гу Чжао удержал его, заставив полежать в объятиях ещё несколько минут.

Ли занялся завтраком, а Гу Чжао, облачившись в рабочую куртку, отправился во двор. Он вычистил курятник и свинарник, а после принёс жене свежие яйца, словно драгоценный дар.

— Сегодня восемь штук!

В праздник они зарезали двух кур, и теперь их осталось семь. Зимой даже четыре яйца в день считались большой удачей, а тут — восемь. Видать, одна несушка расстаралась вдвойне, за ней надобно приглядеть особо.

— Ступай умойся, — отозвался Чжоучжоу. — Скоро завтракать будем, я уже согрел воды.

Раньше он не позволял мужу заниматься грязной работой во дворе, но Гу Чжао настоял, что физический труд укрепляет тело, а утром у него всё равно есть свободное время.

За завтраком каждый получил по варёному яйцу. Ли Да, едва закончив трапезу, взял мотыгу и отправился на задний двор.

Нужник в доме Ли был обычный, выгребной, и располагался он внутри двора, а не за стеной — Чжоучжоу говорил, что в деревне нет-нет да и крадут навоз.

Для городского жителя Гу Чжао это звучало дико, но в деревне каждый знал: навоз — это будущий хлеб, а его всегда не хватает. Те, кто жил победнее, порой втихую воровали чужое добро для своих огородов. Пострадавшие обычно не поднимали шума из-за такой мелочи, но затаённая обида оставалась. В итоге почти все стали переносить выгребные ямы за ограду своих усадеб.

У Ли отхожее место находилось в дальнем углу заднего двора, подальше от свинарника, чтобы летом запах не так сильно донимал. Там и решили копать.

Ли Да очертил мотыгой круг на земле и спросил зятя:

— Хватит такого размера?

— Отец, у меня в этом деле опыта нет, — признался Гу Чжао. — Нам ведь на десять му засушливых полей надобно. Понятно, что за один раз всё не удобрим, но и мельчить не стоит. Как по-вашему, такого размера будет впору?

Ли Да набросил ещё круг пошире.

— Для начала сойдёт, будем в несколько заходов делать.

И работа закипела. Ли Да был наделён природной силой, и вскоре ему стало жарко. Он скинул ватную куртку, оставшись в одной рубашке. Гу Чжао порывался было помочь, но тесть лишь недовольно замахал на него руками. Только под ногами мешаться будет.

Гу Чжао пришлось смириться и отправиться заваривать чай, чтобы отец мог перевести дух.

Старик управился с работой за одно утро. Весь остаток дня он провёл, усердно утрамбовывая дно и стенки каменным молотом. Это требовало немалых усилий: поверхность должна была стать гладкой и плотной, как обожжённая глина, чтобы вода не уходила в землю.

На следующий день принялись за саму смесь.

Ли Чжоучжоу, помня наставления мужа, заранее начал собирать навоз из-под скотины и птицы в отдельную кучу. Раньше он сразу разбрасывал его по грядкам, а теперь за зиму накопился приличный бугор.

В дело шло всё: и сами отходы, и земля из свинарника, пропитанная нечистотами. Туда же летела зола от сожжённой соломы, старые подстилки и содержимое нужника. Всё это тщательно перемешивали, после чего заливали водой.

Весь день супруг и отец по очереди таскали воду с реки. Брели не из верховий, а из затона пониже, что был ближе к дому. Соседи с любопытством поглядывали на них, но не спрашивали — решили, небось, что стирку большую затеяли.

Когда яма наполнилась почти до краёв, Ли Чжоучжоу спросил:

— И что, теперь готово?

Ли Да, глядя на это водянистое месиво, лишь сомнением качал головой. Навоза и золы там было не так уж много, а после добавления воды они и вовсе растворились. На богатый урожай он теперь особо не рассчитывал.

— Пусть дней пять перебродит, — рассудил Гу Чжао. Он и сам не знал наверняка, но решил, что в холода времени нужно больше. Одно он знал точно: такие «удобрения» посева не сожгут — слишком уж они были жидкие.

Новый год наступил рано, и к середине февраля всё было готово. Гу Чжао, не смысля в сроках, спросил тестя, когда пора удобрять.

— Да никто отродясь так не делал, — хмыкнул Ли Да. — Обычно перед севом землю кормят, или уж в марте-апреле, пока ростки в силу не вошли.

Пшеницу сеяли в октябре, а жали в июне. Всё это время посева жили за счёт талых снегов да весенних дождей. Так что подкормить землю в начале весны было самым верным решением.

— Раз готово — будем поливать. Десять му за раз не осилить, пока закончим — как раз апрель настанет. В самый раз будет, — решил тесть.

И семья принялась за работу. Главная тяжесть легла на плечи Ли Да и Чжоучжоу. Гу Чжао же три дня в неделю ходил в деревню Дунпин к учителю Чжао, а в остальное время взял на себя дом: готовил еду, убирал двор, хлопотал по хозяйству.

Сначала Ли Чжоучжоу и слышать не хотел о том, чтобы муж занимался женской работой — боялся, что над ним в деревне смеяться будут. Но Гу Чжао лаской и убеждением доказал своё: силой он с ними равняться не может, в поле от него проку мало, так неужто ему сиднем сидеть, пока они спины гнут? В семье надобно друг другу помогать, а не в стороне стоять.

Чжоучжоу, хоть и вырос на старых порядках, за полгода жизни с мужем невольно поддался его влиянию. Ему и впрямь стало легче: не нужно было после поля бежать к плите или за дровами. Но куда важнее физической лёгкости был покой на душе.

Когда Гу Чжао впервые отправился на берег реки с тазом белья — хоть и выбрал время в полдень, когда людей поменьше — об этом вскоре узнала вся деревня. И мужчины, и женщины не упускали случая посудачить об этом, но молодому человеку было всё равно.

Деревенские мужики втихомолку посмеивались: мол, учёный Гу — настоящий муж-зятьёк, совсем стыд потерял, раз женской работой занимается. Женщины же, хоть и хихикали при встрече, в глубине души завидовали — сразу видно, что муж Чжоучжоу бережёт.

— Да какое там «бережет»! Глупость одна, — кривились мужики. — Видали мы их «удобрения» — вода навозная, да и только. Зря силы тратят.

— Верно, — поддакивали другие. — Навоза-то у них кот наплакал, лучше б огород полили, хоть редька бы выросла.

Вся деревня наблюдала за семьёй Ли, словно за весёлым представлением. Кто-то нет-нет да и сообщал последние новости:

— Видал я нынче Чжоучжоу, тащит вёдра, а в них жижа серая, почти прозрачная.

— И какой от неё прок?

Тётушка Ван тоже не оставалась в стороне. После того как история с печками стала достоянием общественности и над ней начали подтрунивать, она затаила на Ли глубокую обиду. Кроме Чжоучжоу, разболтать было некому — так она решила. Теперь, когда над семьёй Ли потешалась вся деревня, она с радостью подливала масла в огонь:

— Вот именно! Снегов-то сколько было, неужто земле воды мало?

— И не говорите. Все знают, что навоз полезен, но зачем его водой-то портить?

Разбавили добро водой, когда и так кругом сыро — пустое занятие.

— То-то Ли Да с сыном целыми днями воду таскали.

— Говорят, это всё учёный Гу придумал.

— Ну тогда всё ясно. Грамотей в крестьянском деле — что свинья в апельсинах. А Ли Да, старый дурак, его слушает.

Тётушка Ван сияла от злорадства, но вслух говорила с притворной заботой:

— Пускай себе копошатся, нам-то что. Главное, чтоб по соседям навоз воровать не начали.

— Ну уж за своим-то пригляди, вы ведь ближе всех живёте!

Шутка была грубоватой, но все промолчали. Люди в деревне опасались не того, что Ли начнут воровать — на это они бы не пошли, — а того, что придут просить навоз. И каждый заранее придумывал предлог для отказа.

Но дни шли, а Ли Да ни к кому не заглядывал. Напротив, обработав один участок, они затихали на несколько дней. Ли Чжоучжоу с отцом уходили в горы и возвращались с корзинами, полными сухой травы, прелой листвы и дёрна.

На корм скоту это не годилось, и соседи ломали голову — зачем им этот мусор? А Ли Да просто сжигал сушняк, добывая новую золу.

К началу марта погода окончательно разгулялась. Солнце грело по-весеннему, хотя по утрам и вечерам всё ещё было зябко. В деревне говорили: «Весной кутайся, осенью раздевайся». Даже если в полдень пот лил градом, тёплые куртки не снимали — все ждали последних заморозков.

Гу Чжао после обеда, как обычно, отправился на реку стирать. В это время берег пустел.

Неожиданно он встретил там дядю Вана. Тот тоже стирал, но вещи в его тазу были странными: уже мокрые, они были перепачканы золой и истоптаны, словно их сорвали с верёвки и в ярости втоптали в грязь.

Деревенские женщины обычно стирали по утрам, чтобы днём посидеть вместе за шитьём и разговорами. У Ван Сюэ на болтовню времени не было — работа в доме никогда не кончалась, а приготовление тофу требовало немалых сил.

— Дядя Ван, — первым поздоровался Гу Чжао.

Тот лишь коротко кивнул, явно смущаясь. Он отвёл взгляд и отошёл пониже по течению. Гу Чжао не стал навязываться и устроился шагах в десяти.

Занимаясь бельём, Гу Чжао украдкой взглянул на соседа. Ему показалось, что на скуле у того темнеет свежий синяк.

Через некоторое время Гу Чжао подошёл попросить немного мыльнянки. Он старался не смотреть в лицо дяде Вану. Поблагодарив за помощь, он как бы невзначай заметил:

— Теплеет. Скорей бы уж лёгкие рубахи достать, их и стирать проще.

— Ещё холода вернутся, — отозвался Ван Сюэ. — Вы, молодые, берегитесь, не простудитесь на ветру.

— Ваша правда, — кивнул Гу Чжао. — Слышал я давеча разговор... Говорят, от вина человек быстро сохнет, и жизнь его коротка становится. Коли пьяным ночью пойти да оступиться — в такую-то пору и в рисовом чеке захлебнуться недолго. Страшное дело.

«Да какое там "совет"!.. — с досадой подумал Гу Чжао. — Пускай Эргоу пьёт, сколько влезет. Хоть бы он поскорее спился»

Гу Чжао гадал, понял ли дядя Ван его намек. Чжоучжоу рассказывал, что Ван Эргоу снова распускает руки. С того дня, как он выиграл серебро, он совсем потерял голову: требовал мяса и вина каждый день, а напиваясь, лез в драку и требовал денег.

Ван Сюэ все эти годы по крупице копил медь для сына. Мечтал построить дом, купить земли, справить свадьбу Сяо Тяню. Сам ходил в обносках, а Эргоу выдавал по паре десятков монет, лишь бы тот отвязался.

Но выигрыш в два лян разжёл в пьянице жадность. Теперь тридцати монет ему не хватало даже на один вечер. А когда Ван Сюэ отказывал, в ход шли кулаки. Избитый до полусмерти, тот в итоге отдавал ещё десяток-другой.

Эргоу лишь глумился: «Тварь бессловесная, пока не приложишься — кошель не откроешь!»

Гу Чжао не понимал — зачем копить? Всё равно ни Ван Сюэ, ни маленький Сяо Тянь мяса в этом доме не видели. Каждую монету экономили, чтобы в итоге отдать её на пропой Эргоу. Уж лучше бы тратили всё сами, жили одним днём. Глядишь, свекры бы первыми забили тревогу, когда в доме шаром покати стало бы.

Те-то притворялись, что отошли от дел, свалив всё на плечи Ван Сюэ, а на деле просто пользовались его добротой и любовью к сыну. Знали — он расшибётся в лепёшку, лишь бы Сяо Тянь был сыт, а им того и надо: и сыты, и в делах не запачканы.

Стоило бы Ван Сюэ начать тратить деньги на еду да обновки, старики бы мигом взвились. А на их упреки ответ один: «Сын ваш мяса требует, вина просит, а не дашь — бьёт. Вы люди

пожилые, вам такое терпеть не вмоготу, вот и приходится ублажать».

Пускай бы Эргоу пил. Пускай бы заливался до беспамятства.

Жаль только, вино здесь было слабое. Была бы водка — Эргоу бы давно уже в могиле лежал от дырявого желудка. Гу Чжао с досадой вздохнул и принялся тереть рубаху.

Он попытался было «подбросить дров в огонь», но, глядя на забитого, поникшего соседа, понял: вряд ли тот решится на такой бунт.

Зря старался.

Второй му земли удобрили куда быстрее — опыт сказался. На всё про всё ушло пару дней. В тепле смесь бродила быстрее, и работать стало проще. Солома кончилась, золы взять было негде, и Гу Чжао придумал использовать ил из пересохших протоков и гнилую лесную землю — в них тоже была сила. А сухую траву по краям полей сжигали тут же, на месте.

Так, шаг за шагом, они прошли пять му. Потеплело, полезли сорняки, и, разливая удобрения, они заодно и пололи землю.

Дядю Вана Гу Чжао больше не встречал, но в деревне только и говорили, что Эргоу совсем озверел: из дома постоянно слышны были крики и ругань.

Ничего не менялось.

К концу марта, после целого месяца ясных дней, пошёл дождь, и температура резко упала.

— Муж мой, погрейся у огня.

Ли Чжоучжоу на кухне лепил пирожки. Весь этот месяц он с отцом не разгибал спины, да и Гу Чжао было не до отдыха — учёбу он не забрасывал. Теперь, когда из-за дождя в поле выйти было нельзя, гэ'эр решил побаловать своих мужчин чем-нибудь вкусным и сытным.

Капли звонко барабанили по карнизу, и вскоре небо окончательно прорвало — начался настоящий ливень.

Гу Чжао сидел на низком табурете перед топкой, поддерживая огонь. В котле томилась половина курицы, наполняя кухню дивным ароматом.

Специи, купленные ещё зимой, всё ждали своего часа, пока они были заняты полями. И вот, наконец, время пришло.

Ли готовил курицу по наставлению мужа: сначала раскалил в котле немного свиного жира, бросил туда кусочек тростникового сахара. Когда тот расплавился, добавил ошпаренные куски птицы с имбирём. Пара взмахов лопаткой — и мясо покрылось аппетитной золотисто-коричневой корочкой. Затем добавил соевую пасту, ещё немного обжарил и влил вино.

Когда жидкость покрыла мясо, пришёл черед пряностей: бадьян, лавровый лист, корица, кардамон и прочие травы. Дождавшись закипания, добавил тофу — пускай пропитывается соком.

Минут через двадцать, когда мясо стало мягким, добавил капусту.

Пока блюдо томилось на малом огне, Чжоучжоу лепил пирожки. Гу Чжао просил с кислой капустой и свининой, и Ли добавил туда ещё немного мелко крошёного тофу для сочности. Защипы ложились ровно и красиво. Он один за другим выставлял белые комочки на решётку пароварки, но в огонь пока не ставил.

На одной конфорке томился рис, на другой — ароматная птица.

Когда пришло время, Ли Чжоучжоу поднял крышку, и по кухне поплыл такой запах, что дух захватывало. Раньше они так никогда не готовили.

Даже Ли Да, что колол дрова под навесом, отложил топор. Смахнув пыль с рук, он вошёл на кухню:

— Чжоучжоу, что это за диво ты варишь?

Отец редко когда спрашивал о еде заранее.

— Это всё по задумке мужа моего, — улыбнулся Чжоучжоу. — Купили пряностей в лавке, и вот, первый раз пробую. Не знаю уж, как на вкус выйдет.

Запах был такой густой и пряный, что Гу Чжао понял: даже если это не та самая идеальная курица из его памяти, она всё равно будет в сто крат вкуснее всего, что он ел здесь раньше.

— Пора за стол, — скомандовал Ли Да.

Ли Чжоучжоу добавил соли, засыпал капусту, и вскоре на столе красовалась огромная чаша с дымящимся варевом.

Пир начался.

— М-м-м... До чего же вкусно, Чжоучжоу! — Гу Чжао в восторге поднял большой палец.

Мясо было нежным, таяло во рту, а подлива была так хороша, что её хотелось вымакивать рисом до последней капли.

Ли Чжоучжоу сиял от счастья, поглядывая на отца. Ли Да молча работал ложкой, но по его лицу было видно — еда пришлась ему по сердцу. В тот вечер чаша опустела подчистую.

Тесть съел четыре миски риса, в конце просто залил его остатками пряного соуса.

— Муж мой, это и есть тот самый «пряный вкус»? — спросил Ли Чжоучжоу.

— Почти, — кивнул Гу Чжао. — Для дома в самый раз. Если на продажу готовить — надо будет ещё с пропорциями поиграть.

— Неужто это можно продавать? — Чжоучжоу растерялся. — Неужели моё умение на такое сгодится?

— А чего ж нет? Посмотри на отца — съел всё до крошки. К тому же такого в наших краях никто не делает.

Ли Чжоучжоу приободрился. Муж слов на ветер не бросает.

Холода продержались полмесяца. Дождь то утихал, то припускал с новой силой, а ночной ветер, казалось, пробирал до самых костей. Чжоучжоу хотел было снова разжечь печь в зале, но Гу Чжао отказался — сказал, что в объятиях друг друга им и так тепло.

Дожди совпали с праздником Цинмин. Семья отправилась на косогор — помянуть покойного отца Ли Чжоучжоу, прибрать могилу да сжечь ритуальные деньги.

Старики говорили, что дождь в эти дни идёт потому, что тени усопших не любят ходить по сухой пыли. Когда Ли Чжоучжоу закончил дела у могилы отца, он достал второй сверток с благовониями и бумажными деньгами.

— Помянем и твою матушку, муж мой.

В доме Гу Четвёртого вряд ли кто-то помнил о первой жене. Неужто Ли Гуйхуа или её сыновья стали бы тратить на помин той, чьё место она заняла?

К слову, Ли Гуйхуа в январе разродилась ещё одним сыном.

Она поначалу хотела было заставить Ли Чжоучжоу прислуживать ей в «месяц отдыха», но, вспомнив, как Гу Чжао в прошлый раз обошёлся с её запасами, вовремя прикусила язык. Позови она Чжоучжоу — Гу Чжао явится следом и вмиг изведёт всех её кур. Пришлось звать на помощь невестку, откупившись куском сахара. Ли Гуйхуа до сих пор сердце за это колело.

Гу Чжао понимал, что прежний хозяин этого тела был негодяем, но раз уж он занял его место, то счел своим долгом поклониться памяти матери. Они отправились в деревню Дунпин.

На обратном пути они проходили мимо дома семьи Ван. Ворота были плотно заперты, внутри царил непривычная тишина. Видать, Эргоу не было дома.

На следующее утро, когда Ли Чжоучжоу возился с завтраком, с улицы донёсся резкий звук гонга и отчаянный крик:

— Человек утоп! Беда! Ван Эргоу в рисовом чеке захлебнулся насмерть!..

Ван Эргоу мёртв?

Гу Чжао, подкладывая дрова в печь, замер. В глазах его вспыхнул живой огонёк — такое событие он пропустить не мог!

<http://bllate.org/book/15349/1420480>